

МАСТЕРА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА — ГОСТИ КРЫМА

ВСЕГДА УЗНАВАЕМЫЙ ПЛЯТТ

П ОЛУЧИВ приглашение посетить Ростислава Плятта в мисхорском Доме творчества «Актер», я поначалу решил, что передо мной не просто задача взять у артиста интервью для читателей газеты, а нечто большее. Дело в том, что вечером по телевидению начиналась демонстрация многосерийного художественного спектакля «Тайна Эдвина Друда», в котором играл Плятт, а я очень хотел посмотреть спектакль вместе с Ростиславом Яновичем (услужливое воображение уже подсказывало ход беседы Плятта, сидящего рядом, с Пляттом экранном). Не получилось. Ростислав Янович улетел в Москву днем. Беседа, которая состоялась позже, была обычной, просто на скамейке мисхорского парка.

Говорил он горячо, взволнованно — и всегда образно. Плятт — простой и радужный собеседник, не придающий своей популярности никакого значения.

У популярности много истоков. Актер может обрести известность и сырав выигранный роль, и умело используя внешне данные, которыми наделила его природа. Плятт — другой, нет у него атлетической фигуры, не похож он на «голубого» героя. Когда я попросил Ростислава Яновича дать для газеты свою фотографию, он сказал, что его нос с трудом вмещается в объектив, и предложил «ограничиться» шаржем, который и предлагается читателям. Плятт обрел популярность — сначала у кинозрителей, а затем у телезрителей — благодаря множеству сыгранных им главных и не главных ролей. Порою роль была совсем небольшой (вспомним, например, халтурщика Бубенцова, самого смешного персонажа в старом фильме «Весна»), но от этого она никогда не становилась маленькой.

Плятт пришел на сцену Академического театра имени Моссовета бо-

лее полувека тому назад. «Да, я всегда считал себя театральным актером, изредка, в свободное от работы время, снимающимся в кино», — улыбается он (изредка — это более сорока ролей!).

На сцене им создано двести ролей, причем — так счастливо сложилась судьба — не второстепенных. Ролей разных, неожиданных, порой полярно противоположных. Вот только несколько спектаклей с его участием, принесших театру успех: «Парень из нашего города», «Госпожа министера», «Шторм», «Чайка», «Милый лжец», «Цезарь и Клеопатра», «Дальше — тишина», «На полпути к вершине». С большой теплотой вспоминает Плятт о Юрии Александровиче Завадском, основателе театра: «Я всегда понимал его с полуслова. Он же настолько изучил меня, что помогал на репетициях

раскрывать даже мне самому дотоле неведомые возможности».

О своих коллегах Ростислав Янович говорит с восторгом. «Как это прекрасно, что к нам пришел Сергей Юрский и поставил три ярких и незабываемых спектакля». С совершенно особым чувством вспоминает он спектакли, где играл с Ф. Г. Раневской. «Эта замечательная актриса счастливо сочетает в себе пленительную женственность и мастерство перевоплощения, она наделена каким-то огромным чувством радости и печали, свойственным только большой натуре, способной к самопожертвованию во имя искусства». До сих пор Фаина Григорьевна играет на сцене. Нынешний сезон театр имени Моссовета открыл премьерой комедии А. Н. Островского «Правда хорошо, а счастье лучше», где уча-

ствовала восьмидесятипятилетняя Раневская. «Большой талант, видимо, не имеет права ни на возраст, ни на болезнь», — так завершает Плятт свой рассказ о Фаине Григорьевне.

Игра Ростислава Плятта на первый взгляд чрезвычайно проста. Кажется, он вообще не играет, а остается на сцене и экране самим собой. В каждой роли он тот же, и совершенно иной; его сразу узнаешь и одновременно всякий раз знакомиться заново.

Сейчас, когда телесериал «Семнадцать мгновений весны» выдержал шесть демонстраций, многие сцены помнятся наизусть. Думая о Плятте, о созданном им в этом фильме образе пастора Шлага, я вспомнил момент, когда Штирлиц кормит пастора, который давно уже ничего не ел. Сцена идет почти без текста. Вот поднимается крышка супницы — и актер через жест, робко протянутую руку, взгляд передает зрителям то, что творится в душе пастора в эту минуту...

В своей последней работе на телевидении — спектакле «Тайна Эдвина Друда» артист сыграл роль мастера Грюдженуса. Спектакль этот может показаться несколько затянутым, не везде равным, излишне многозначительным. Но образ Грюдженуса от этого свободен. Чувствуется, что актер поработал с большим «запасом», которого хватит еще не на одного персонажа из романов Чарльза Диккенса. Вот что говорит Ростислав Янович о Грюдженусе: «У Диккенса он описан чрезвычайно сочно и выразительно: «Его коротко остриженная голо-

ва напоминала старую шапку из облезлого желтого меха — так мало походила украшавшая ее скудная поросль на обыкновенные человеческие волосы». Или такая фраза: «Он был до того сух и тощ, что казалось, если его смолоть на мельнице, от него останется только горсточка сухого нюхательного табаку». Что же было важнее? — продолжает артист. — Подобрать внешнее сходство с ролью или найти внутреннюю мотивацию жеста, слова, поступка? Мы выбрали, естественно, второе. Потому что нельзя искать, каким следует быть носу и какого цвета быть волосам только ради самого носа и самих волос».

...Мы сидим на парковой скамейке, и артист рассказывает о том, что впервые побывал в Крыму еще до войны. А в 1948 году с театром объездил весь полуостров. Очень любит Ялту, ее старые «чеховские» улочки. «Бродишь по ним и кажется, что вот за этим углом встретишь неторопливо идущего Бунина, а там появится проблетка — в ней Антон Павлович везет ялтинского врача Исаака Науменовича Альшуллера в Гаспру к Льву Николаевичу, который захворал...»

Мы беседуем, а мимо нашей скамейки проходят люди, и лица их мгновенно меняются: замкнутые становятся приветливыми, безразличные — внимательными, холодные — теплыми, самые невыразительные освещаются вдруг добрым светом. Люди узнают артиста, любимого всеми.

В. ДРУЖБИНСКИЙ.